

Дмитрий Кулаков

«Зачет у декана»

18+

Дмитрий Кулаков
«Зачет у декана»

«Автор»

2026

Кулаков Д.

«Зачет у декана» / Д. Кулаков — «Автор», 2026

Он поставил мне «автомат» еще в седьмом классе. Теперь он принимает у меня диплом. Алена думала, что сбежала из родного города навсегда. Но вернувшись поступать на учителя начальных классов, она обнаружила за кафедрой главного корпуса своего школьного хулигана Пашку. Павел Викторович больше не дергает её за косички — теперь он заместитель декана, холодный тиран с янтарными глазами, способный уничтожить её карьеру одним росчерком пера. Или вознести на вершину. Их игра началась со шпаргалок, продолжилась на партах пустых аудиторий, а закончилась подписью в ЗАГСе. Он знает все её слабые места, потому что сам же их и создал десять лет назад. Сможет ли бывшая отличница сдать главный экзамен своей жизни — любовь без правил?

© Кулаков Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Запах мокрого асфальта и забытая парта	5
Глава 2. Аудитория двести четыре	8
Глава 3. Правило закрытых дверей	11
Глава 4. Кабинет ректора и законы физики	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Дмитрий Кулаков

«Зачет у декана»

Глава 1. Запах мокрого асфальта и забытая парта

Дождь в родном городе всегда пах иначе, чем в мегаполисе. В Москве он был стерильным, смешанным с выхлопными газами и запахом горячего битума. Здесь же, в этом маленьком провинциальном городке, куда Алена Сергеевна не возвращалась восемь лет, дождь пах мокрой пылью тополей, прелой листвой из школьного сада и детством.

Она стояла под козырьком старого корпуса педагогического университета, кутаясь в воротник легкого бежевого пальто. Внутри здания гудела толпа абитуриентов — шумная, суетливая, напуганная взрослой жизнью. Алене было двадцать, но сейчас, глядя на облупившуюся зеленую краску на дверях главного входа, она чувствовала себя семилетней девочкой с двумя жидкими косичками.

Восемь лет назад они с Пашкой сидели за одной партой с первого по седьмой класс. Он дергал ее за косы, прятал сменку, чтобы сорвать урок физкультуры, и делился половинкой «Сникерса» на большой перемене. Они были неразлучны ровно до того дня, пока грузовик транспортной компании не увез мебель Алёниной семьи в другой конец страны.

Они не забыли друг друга. Первые два года переписывались ночами, когда разница во времени позволяла поймать общий час. Потом сообщения стали приходить раз в месяц, затем раз в полгода. Последнее письмо от Павла пришло перед ее шестнадцатилетием: *«Удачи на ОГЭ. Не становись ботаником»*. Она ответила смайликом. На этом всё. Но где-то на дне дорожной сумки, завернутый в шерстяной носок, все эти годы лежал его старый значок октябрёнка, который он тайно приколол ей на рюкзак в третьем классе.

Алена глубоко вдохнула влажный воздух и шагнула под ливень, решив обойти главный корпус. Ей нужно было успокоиться перед подачей документов на специальность «учитель начальных классов». Деканат исторического факультета находился в старом флигеле, примыкавшем к заброшенному крылу библиотеки.

Она толкнула тяжелую дубовую дверь флигеля. Пахнуло сухим деревом, старой бумагой и озоном. Лестница на второй этаж жалобно скрипнула под ее кроссовками. Коридор второго этажа тонул в полумраке — сэкономили на электричестве. Только у окна в конце коридора горел одинокий торшер, освещая край массивного письменного стола. За ним кто-то сидел, низко склонив голову над ведомостью.

Алёна замедлила шаг. Что-то в линии широких плеч, обтянутых темно-синей рубашкой, заставило сердце пропустить удар. Человек поднял голову, потянулся за упавшей ручкой, и свет упал на его профиль.

Время схлопнулось.

Вместо двадцатитрехлетнего парня перед ней на секунду возник тот самый долговязый двенадцатилетний мальчишка с вечно разбитыми коленями. Павел Викторович. Теперь уже точно Викторович — табличка на двери кабинета гласила: «Заместитель декана по воспитательной работе».

Он тоже замер. Ручка выскользнула из пальцев и со стуком покатилась по паркету.

— Лёлька? — хрипло выдохнул он, и это домашнее имя, которое никто не произносил восемь лет, обожгло слух сильнее, чем ледяная вода.

— Паша, — голос предательски дрогнул. Она сделала шаг вперед, выходя из тени. Дождь стекал с волос прямо за шиворот, но холода она не чувствовала. — Я... я документы пришла подавать. На начальные классы.

Павел медленно поднялся из-за стола. Восемь лет вытянули его фигуру в струну, расширили плечи и добавили тяжелый, оценивающий взгляд взрослого мужчины, которому студенты смотрели в рот. От него веяло уверенностью, дорогим парфюмом и той самой властью, которая бывает только у прирожденных педагогов. Но когда их взгляды встретились, этот фасад треснул. Взгляд стал тем самым, мальчишеским — наглым, любопытным и бесконечно родным.

— Начальные классы? — он обошел стол, сокращая расстояние между ними. Его шаги по скрипучему паркету звучали оглушительно. — Ты? Которая в седьмом классе чуть не сожгла кабинет химии?

— Это была случайность! И ты сам подал мне ту колбу, — возмутилась Алена, инстинктивно делая шаг назад, пока не уперлась спиной в подоконник. Старый кирпич охлаждал лопатки сквозь тонкую ткань платья.

— Я помню каждую твою «случайность», — тихо произнес он, останавливаясь в полшаге от нее. Теперь он нависал сверху, заслоняя собой тусклый свет торшера. — Помню, как ты плакала, когда уезжала. Помню твои дурацкие банты. И помню, что обещала писать каждый день.

— Я писала, — прошептала она, завороченно глядя, как капелька дождя скатывается по его шее и исчезает под воротником рубашки.

— Недостаточно, — он протянул руку и медленно, давая ей возможность отстраниться, провел большим пальцем по ее скуле, стирая дождевую влагу. Кожа под его прикосновением вспыхнула. — Совсем недостаточно, учительница начальных классов.

От звука этого титула, примененного к ней в контексте их общего прошлого, у Алены перехватило дыхание. Между ними повисло густое, звенящее напряжение. Десятки несказанных слов, сотни пропущенных дней рождения и одна общая память о детской клятве держаться за руки превратились в физически ощутимое электричество. Воздух в старом флигеле раскалился так, что стало трудно дышать.

Павел наклонился ниже. Расстояние сократилось до опасной черты. Алена видела каждую ресницу вокруг его глаз, чувствовала тепло его дыхания на своих губах.

— Твой первый экзамен завтра, — сказал он внезапно севшим голосом. — В девять утра. Аудитория двести четыре. Если опоздаешь...

— То что? — выдохнула она, сама подаваясь ему навстречу, нарушая эту последнюю грань.

Его губы едва заметно дрогнули в улыбке хищника, нашедшего свою добычу спустя долгую зиму.

— Будешь пересдавать. Мне. Лично. До тех пор, пока не сдашь на отлично.

Он резко выпрямился, разрывая контакт. Жар исчез, оставив после себя мучительную пустоту и дрожь в коленях. Павел сделал шаг назад, возвращаясь в зону холодного света торшера, снова превращаясь в Виктора Викторовича, строгого администратора.

— Свободные аудитории для индивидуальных занятий находятся в подвале, — будничным тоном сообщил он, беря со стола какую-то папку. — Там отличная акустика. Не перепутай этажи, Сергеевна. У тебя еще есть время выучить расписание.

Алена смотрела на него широко раскрытыми глазами, пытаясь унять бешено колотящееся сердце. Он играл с ней. Спустя восемь лет молчания он начал именно с той точки, на которой они остановились в седьмом классе — с дерзкого вызова.

Она молча кивнула, взяла из лотка на столе бланк заявления, пальцы слегка дрожали. Развернулась и пошла к лестнице, чувствуя прожигающий взгляд между лопаток. Каблуки ее туфель отбивали по ступеням дробь, похожую на пулеметную очередь.

Спустившись на первый этаж, она прислонилась лбом к холодной стене вестибюля. Легкие горели.

Их роман начался не сегодня. Он просто взял восьмилетнюю паузу на антракт. И теперь, судя по тому, как дрожали ее колени, главной дисциплиной на первом курсе будет далеко не педагогика.

Глава 2. Аудитория двести четыре

Алена стояла перед дверью с латунной цифрой «204» так, словно это был вход в клетку к тигру. В руках она сжимала зачетную книжку, которая казалась сейчас нелепым куском картона. За тяжелой деревянной створкой слышался ровный, низкий голос — Павел Викторович принимал экзамен у какой-то несчастной первокурсницы. — Нет, милочка, Радищев не писал пейзажную лирику для услаждения слуха императрицы, — донеслось из-за двери. Каждое его слово звучало лениво и непреклонно. — Вы путаете факультеты. Пересдача осенью. Следующий. Дверь открылась, выпуская зареванную девочку с потекшей тушью. Та разминулась с Аленой, испуганно втянув голову в плечи, и бросилась прочь по коридору. Павел появился на пороге. На нем больше не было вчерашней офисной рубашки — только черная футболка-поло, обтягивающая широкую грудь, и закатанные по локоть рукава. Он выглядел как преподаватель, который собирается выжигать ересь каленым железом, а не принимать вступительный профильный тест. Вчера вечером он играл с ней дистанционно, через стекло флигеля. Сейчас поле битвы переместилось на его территорию. — Сергевна, — он окинул ее фигуру медленным, тяжелым взглядом от макушки до носков туфель. — Ты опоздала на три минуты. Это первый балл долой. Входи. Кабинет пропах озонем от работающего кондиционера, старым деревом и им. Его запахом — горьким, терпким, мужским. Парты здесь стояли амфитеатром, и Алена физически ощутила себя маленькой девочкой, которую вызвали к директору. Она села за первую парту прямо напротив его стола, положив дрожащие руки на гладкую поверхность. — Тяни билет, — Павел кивнул на стопку бумажек на своем столе. Она подошла, чувствуя затылком жар его взгляда. Наклонилась за билетом, и ткань легкого летнего платья опасно натянулась на бедрах. Краем глаза она заметила, как дернулся кадык на его шее. Билет номер семь. «Методы мотивации младших школьников». — Садись, — бросил он, даже не взглянув на текст. — Время пошло. У тебя десять минут на подготовку. Говорить будешь без шпаргалок. Алена вернулась за парту. Она открыла рот, чтобы начать отвечать про игровые методики и поощрения, но горло пересохло. Как можно говорить о системе оценок, когда этот мужчина медленно поднимается со своего кресла, обходит стол и присаживается на краешек столешницы прямо перед ней? Он закинул ногу на ногу. Дорогие летние брюки натянулись на сильных бедрах. — Я жду, Алена Сергеевна, — в его голосе появились бархатные, опасные нотки. — Или тема дипломированных педагогов вас больше не интересует? — Интересует, — выдавила она, заставляя себя поднять глаза. — Игровые методы... они позволяют снять зажим... — Покажи, — перебил он. — Что показать? — Зажим, — уголки его губ дрогнули в хищной усмешке. — Сними его. Представь, что я — твой трудный ученик. Третий класс. Сорок минут до звонка, ему скучно, под партой у него рогатка. Твои действия? Это была издевка. Тонкая, жестокая игра на их общем прошлом. Но вместо того чтобы возмутиться, тело Алены отозвалось горячей волной внизу живота. Ей вдруг отчаянно захотелось быть плохой ученицей. — Я... я подойду ближе, — прошептала она, сама удивляясь звуку собственного голоса. — Смелее, — подбодрил Павел. Он чуть подался вперед, опираясь руками о столешницу по обе стороны от ее учебника. Клетчатая скатерть на столе смялась под его ладонями. Он нависал над ней, отгораживая от единственного окна, погружая их в интимный полумрак. Расстояние между их лицами сократилось до десятка сантиметров. — Педагогика — наука тактильная. Действуй. Алена поднялась. Колени были ватными. Она сделала шаг, оказавшись в пространстве между его разведенными коленями. Дерево столешницы холодило бедра сквозь тонкую ткань. — Нужно завладеть вниманием, — сказала она, кладя ладони на лацканы его поло. Ткань была теплой, впитавшей жар его тела. Под ней перекачивались твердые мышцы пресса. — Отвлечь. Ее пальцы сами собой сжались в кулаки, цепляясь за трикотаж. Она почувствовала, как участился его пульс под ее прикосновением. Взгляд Павла потяжелел, зрачки расширились,

почти полностью поглотив темную радужку. Он перестал дышать.— Отвлеки меня, Лёлька, — хрипло приказал он, наклоняя голову набок. — Только убедительно. Иначе двойка в сессию, недопуск к практике и очень неприятный разговор с ректором. Я ведь могу испортить твоё личное дело одной запятой. Это был шантаж. Грязный, восхитительный академический шантаж. Алена привстала на цыпочки. Запах его парфюма — ноты кожи, табака и холодного металла — ударил в голову сильнее любого вина. Она провела носом по линии его челюсти, чувствуя едва заметную утреннюю щетину, царапающую кожу. — Рискните, Викторович, — выдохнула она прямо в его губы. — Я знаю, где вы живёте. Могу рассказать всему потоку, как вы плакали в пятом классе, когда проиграли мне в морской бой. Его самообладание рухнуло. Руки, которые секунду назад лежали на столе в расслабленной позе преподавателя, жестко сомкнулись на её талии. Одним рывком Павел развернул её спиной к себе и толкнул грудью на столешницу. Бумаги веером разлетелись по аудитории. — Десять лет, — прорычал он ей в ухо, прижимая своим весом так, что стало трудно вдохнуть. — Десять лет я ждал, пока ты перестанешь строить из себя правильную девочку. Одной рукой он заломил её руку за спину, вынуждая прогнуться в пояснице. Вторая легла на затылок, впечатывая лицо в прохладное дерево парты рядом с открытым билетом. Алена глухо застонала — смесь протеста и острого, пронзительного желания. Ткань платья задралась до самых бедер, обнажая кружево белья.— Экзамен провален, — констатировал Павел, проводя жесткой ладонью вверх по её голому бедру, задирая подол ещё выше. — Катастрофически провален. Придется заниматься дополнительно. Индивидуально. После пар.— Паша... — попыталась сказать она, но слова утонули в шуме, когда его пальцы скользнули под край кружевных трусиков. — Тише, ученица, — он прихватил зубами мочку её уха, свободной рукой расстегивая ремень на своих брюках. — В аудиториях отличная акустика. Если начнешь кричать моё имя слишком громко, вся кафедра педагогики узнает, насколько прилежной студенткой ты можешь быть на самом деле. Толчок был резким, глубоким и абсолютно бескомпромиссным. Столешница закричала по старому паркету, сдвигаясь на несколько сантиметров. Мир сузился до этого кабинета, запаха озона, скрипа дерева и ритмичного, тяжелого дыхания мужчины позади. Он брал её властно, наказывая, вбивая в дерево каждый сантиметр десятилетнего ожидания, каждое пропущенное сообщение, каждую бессонную ночь, когда она думала, забыла ли она его запах. Алена вцепилась побелевшими пальцами в края своей зачетной книжки, используя её как точку опоры, пока мир вокруг рассыпался на раскаленные искры. Оргазм накрыл её стремительно и оглушительно, вырвав сдавленный крик, который она успела заглушить, до боли прикусив костяшки пальцев. Почувствовав её спазм, Павел сделал ещё несколько глубоких, рваных движений и последовал за ней, тяжело навалившись сверху и обжигая дыханием её шею. Тишина в аудитории повисла густая, плотная, прерываемая лишь гудением кондиционера и их общим, постепенно выравнивающимся пульсом. Прошла минута. Две. Павел первым пришел в себя. Он медленно отстранился, приводя в порядок одежду. Его движения снова стали точными и расчетливыми, как у хирурга. Он заправил рубашку, застегнул брюки, поправил волосы. Ни единого лишнего жеста. Затем он подошел к столу, взял ручку и склонился над разбросанными листами. Алена, все ещё лежа на животе и пытаясь восстановить дыхание, смотрела, как он выводит размашистую подпись в её пустой зачетной книжке. Щелчок колпачка ручки прозвучал в тишине как выстрел. Павел вернулся к ней, протягивая синюю книжечку.— Отлично, Алена Сергеевна, — сказал он совершенно спокойным, лекторским тоном. Голос звучал ровно, лишь в самой глубине зрачков плясали золотистые искорки недавнего безумия. — Профильный предмет сдан автоматом. Поздравляю с поступлением. Он помог ей встать, одернул помятое платье и заботливо стер большим пальцем след красной помады, оставшийся на углу его губ после её поцелуя. — Дверь закрой с той стороны. И не забудь, завтра в восемь утра первая пара. Советую надеть юбку подлиннее. Сквозняки в главном корпусе коварные. И прежде чем она успела найти хотя бы одно осмысленное слово, способное описать крушение её вселенной, он мягко, но настойчиво

подтолкнул ее к выходу. Дверь закрылась. Щелкнул замок. Алена осталась стоять в пустом гулком коридоре, прижимая к груди зачетку с жирной пятеркой, поставленную поверх отпечатка ее губной помады. Ноги не держали. Где-то внизу живота сладко тянуло, а между ног саднило самым приятным образом в мире. Их роман перешел из стадии затянувшегося антракта в полноценный премьерный показ. И билеты продавались только на места в первом ряду.

Глава 3. Правило закрытых дверей

Правило номер один в педагогическом университете гласило: отношения между преподавателем и студенткой караются немедленным отчислением для второй и волчьим билетом для первого. Павел Викторович нарушил его в первый же день знакомства, втолкнув Алену в пустую лаборантскую кафедры филологии сразу после третьей пары. — Ты хоть понимаешь, что творишь? — прошипела она, упираясь ладонями ему в грудь, пока он щелкал замком старой советской двери. В комнатухе пахло мелом, пылью и старыми подшивками «Учительской газеты». Сквозь мутное окно было видно только серое небо и кусок крыши соседнего корпуса. — Я творю восстановление исторической справедливости, — ответил он, прижимая ее к стеллажу с методичками по возрастной психологии. Его руки легли поверх ее ладоней, припечатывая их к холодной металлической полке над головой. — Десять лет назад ты сбегала. Сегодня утром на лекции я смотрел не на конспект, а на твои колени. У меня через пятнадцать минут семинар у третьего курса. Если ты сейчас же не перестанешь дышать так громко, я сорву учебный план всего деканата. Алена фыркнула, пытаясь сбросить наваждение, но тело предавало ее. После вчерашнего экзамена на парте любое его прикосновение вызывало фантомные судороги внизу живота. Она чувствовала сквозь ткань своих джинсов и его брюк твердую, нетерпеливую эрекцию. — Паша, нас увидят. Сюда студенты за шпаргалками ходят. — Студенты боятся этой двери как огня, здесь живет Елена Марковна, местный цербер, — он зарылся носом в изгиб ее шеи, вдыхая запах яблочного шампуня. — Но если хочешь гарантий... повернись. Прежде чем она успела спросить, что он имеет в виду, Павел развернул ее лицом к полкам. Одной рукой он задрал край ее легкого свитера, обнажая полоску голой поясницы, а другой расстегнул ширинку своих брюк. — Наклонись, ученица, — прохрипел он ей на ухо. — Докажи доценту Сомову, что его лекции по истории педагогики скучнее, чем реальность. Толстое стекло лаборантской было закрашено белой краской лишь наполовину. Прямо напротив, метрах в тридцати, находилось панорамное окно лекционной аудитории. Сейчас оно зияло темнотой, но в любой момент там мог пройти охранник или заблудившийся аспирант. Риск быть пойманными был оглушительным, почти физическим афродизиак. Алена оперлась локтями о пыльные журналы, прогибаясь в спине. Холодный воздух лаборатории коснулся разгоряченной кожи. Вход был резким, глубоким, лишенным всякой прелюдии. Это была чистая физиология двух людей, которые слишком долго сдерживали голод. Павел брал ее жестко, используя ритм, от которого скрипели старые деревянные полки, а фарфоровые кружки с логотипами научных конференций жалобно звенели позади них. Он фиксировал ее бедра стальными пальцами, насаживая на себя до самого основания, лишая возможности двигаться самостоятельно. — Тише, — рычал он, когда из ее горла вырывался неконтролируемый всхлип. — Хочешь, чтобы весь поток узнал, какой мокрой школьницей ты становишься от одного вида моего галстука? — Ненавижу тебя, — простонала она, кусая костяшки пальцев, чтобы заглушить звуки. — Какого черта тебе понадобилось становиться моим преподавателем... — Я не твой преподаватель, — отрезал он, ускоряя темп, и свободной рукой скользнул вниз, находя пульсирующий влажный узелок между складками белья. — Я просто мужчина, которому принадлежит девочка, украшая мой значок октябренька. И ты будешь кончать молча. На счет три. Мир сузился до этого грязного окна, запаха пыли и ритмичного хлопанья кожи о кожу, которое казалось им обоим громче пожарной сирены. Напряжение скручивалось в животе раскаленной спиралью. Когда он сжал пальцы сильнее, проникая глубже, Алену выгнуло дугой. Оргазм накрыл ее спазмом такой силы, что потемнело в глазах; она зажала рот обеими руками, беззвучно крича в ладони, пока внутри нее пульсацией растекалось жидкое пламя. Следом, спустя два мощных толчка, обжигающая волна тепла затопила и его, заставив тяжело привалиться к ее спине, дрожа всем телом. Тишина ударила по барабанным перепонкам. Слышно

было только их судорожное дыхание и гудение старых труб отопления. Павел вышел из нее медленно, мучительно аккуратно. Помог натянуть свитер, привел в порядок свою одежду с педантичностью хирурга. Достал из кармана идеально белый платок, развернул ее лицо к себе за подбородок и стер большим пальцем размазанную помаду с ее губ. Затем промокнул испарину на ее лбу. — Дыши, Сергеевна, — тихо сказал он. — Через две минуты звонок. Он отошел на шаг, снова превращаясь в холодного Виктора Викторовича. Глаза стали непроницаемыми, голос — ровным металлом. — Тема сегодняшнего семинара, который начнется ровно в четырнадцать ноль-ноль — «Эмоциональное выгорание учителя». Советую протереть парту перед тем, как сесть. У тебя на юбке меловая крошка. Дверь шелкнула, выпуская его в коридор. Алена осталась стоять в темноте лаборантской, прислонившись горячим лбом к стеклу стенда «Лучшие педагоги года». Ноги все еще дрожали. Она посмотрела на свои наручные часы. До начала семинара оставалось четыре минуты. Она вышла в гулкий коридор главного корпуса, поправляя ворот водолазки. Навстречу ей шла староста потока — зубрила Катенька, держащая в руках стопку распечаток. — Алена! — воскликнула та. — Представляешь, говорят, Павла Викторовича видели выходящим из женского туалета на третьем этаже! Лицо красное, галстук набок. Наверное, давление подскочило, жара-то какая сегодня... Алена остановилась как вкопанная. Женский туалет находился прямо над той самой лаборантской. Значит, они были не одни. Кто-то слышал всё. Каждую скрипнувшую полку, каждый сдавленный стон. Краска бросилась в лицо. Это уже не было игрой в кошки-мышки во флигеле или рискованным сексом ради адреналина. Это была угроза. Реальная, осязаемая академическая гильотина. Она вошла в аудиторию двести четыре последней. Группа уже сидела на местах. Павел стоял у доски, спиной к двери, монотонно рисуя график стадий стресса. Когда дверь хлопнула, он даже не обернулся, но Алена затылком почувствовала тяжелый взгляд, пригвоздивший ее к месту. Она прошла к своему ряду. Свободной оставалась только первая парта. Прямо перед кафедрой. Ее место теперь было не рядом с ним. Оно было у его ног. Выставленное на обозрение всей группе. Павел наконец закончил чертеж, положил маркер и медленно, очень медленно повернулся. Его глаза нашли ее лицо в третьем ряду. Уголок его рта едва заметно дернулся вверх — хищная, собственническая улыбка человека, который знает, что под скромной студенческой юбкой нет белья. Затем он перевел холодный, оценивающий взгляд на остальную группу. — Итак, — начал он своим обычным преподавательским тоном, сложив руки за спиной. — Кто назовет мне первые три симптома эмоционального истощения? Алена Сергеевна, может быть, вы начнете? Поделитесь свежим опытом. Судя по вашему румянцу, теорию вы усвоили на практике. По аудитории прокатился тихий смешок третьекурсников. Алена опустила голову, открывая тетрадь. Ее рука, выводящая слово «Выгорание», мелко дрожала. Война началась. И правил больше не существовало.

Глава 4. Кабинет ректора и законы физики

Павел отменил их негласное перемирие в четверг вечером, вызвав Алену на пересдачу «внеплановой аттестации».

Его кабинет заместителя декана находился на четвертом этаже старого корпуса — самом тихом месте факультета, куда студенты забредали только по большим праздникам или под угрозой отчисления. Окна выходили во внутренний двор-колодец, где даже летом не росла трава. Изоляция здесь была абсолютной: толстые кирпичные стены глушили крики чаек и гул машин.

— Садись, — Павел кивнул на массивное кожаное кресло для посетителей. Сам он остался стоять у окна, спиной к свету, превращаясь в темный силуэт. На его столе горела только зеленая лампа с тяжелым абажуром, бросающая круг желтого света на стопки ведомостей.

Алена села, закинув ногу на ногу. Сегодня она надела строгую юбку-карандаш ниже колена и глухую водолазку. Никаких провокаций. Только ледяная вежливость студентки-отличницы.

— Я слушаю ваши замечания по моему реферату о методике Монтессори, Викторович, — произнесла она, доставая из сумки распечатки.

Павел медленно повернулся от окна. В полумраке кабинета белки его глаз казались неестественно яркими. Он подошел к столу, но садиться не стал. Опираясь кулаками о столешницу, он навис над ней, заполняя собой все пространство между креслом и лампой.

— Реферат идеален, — тихо сказал он. — Настолько идеален, что Елена Марковна сегодня днем принесла мне копию твоего конспекта лекции. Сказала, что нашла его на подоконнике в лаборантской. Странно, ведь ты утверждала, что заходила туда за мелом одна.

Сердце Алены пропустило удар, а затем рухнуло куда-то в желудок. Катенька-стукачка оказалась оперативнее, чем они думали.

— Наверное, сквозняк, — голос прозвучал ровно, но пальцы, сжимающие ручку, побелели. — Вы меня вызвали сюда читать нотации? У меня через час ночное дежурство в общении.

— Дежурства я тебе отменил, — Павел выпрямился. — С этого дня твои ночи принадлежат мне. И мы переходим к новой фазе обучения.

Он обошел стол, встал позади ее кресла. Алена почувствовала запах его кожи раньше, чем его руки легли ей на плечи. Это было тяжелее, чем секс в пыльной лаборатории. Там был адреналин. Здесь начиналась психология захвата.

Пальцы Павла впились в узлы мышц на ее шее. Она невольно застонала и запрокинула голову, закрывая глаза.

— Ты злишься на меня, Лёлька, — прошептал он, склоняясь ниже, касаясь губами мочки ее уха. Его колени коснулись подлокотников кресла, зажимая ее в тисках. — Злишься, что я исчез тогда, в седьмом классе. Злишься, что сейчас заставляю тебя прятаться по углам. Но знаешь, в чем разница между нами?

— В чем? — выдохнула она, когда его зубы прихватили кожу чуть ниже затылка.

— Тебе есть что терять. Твои розовые мечты об учительской доске, похвала декана и стипендия. А мне терять нечего. Если нас спалят, я просто уйду работать в частную гимназию к отцу. Меня там ждут с оркестром. А вот твой диплом... — он нажал сильнее, вынуждая ее встать с кресла и развернуться к нему лицом. — Твой диплом будет аннулирован быстрее, чем ты успеешь сказать «педсовет».

Это был чистый шантаж, обернутый в заботу. Он прижимал ее к краю собственного стола, лишая почвы под ногами. Алена уперлась ладонями ему в грудь, пытаясь оттолкнуть, но вместо этого лишь скользнула пальцами вверх, цепляясь за лацканы его пиджака.

— Чего ты хочешь, Паша? — спросила она прямо, глядя ему в глаза снизу вверх. В янтарном свете лампы его лицо казалось высеченным из камня.

— Полного подчинения, — ответил он без тени улыбки. — Не в постели. В жизни. Чтобы больше никаких глупых походов в библиотеку без моего ведома. Никаких разговоров с одногруппницами обо мне. Ты переходишь на индивидуальную форму обучения. Экстернат имени Виктора Викторовича.

Он рывком задрал край ее плотной шерстяной юбки до талии. Никакого кружева сегодня не было — простые хлопковые трусики телесного цвета. Самый асексуальный предмет гардероба, который только можно представить.

Павел усмехнулся, оценив практичность.

— Готовишься к войне? — хрипло спросил он, просовывая руку под резинку белья. — Напрасно. Войну выигрывает тот, кто умеет делать паузы.

Одним движением стянув с нее белье до колен, он толкнул ее назад. Алена упала спиной на гладкую поверхность дубового стола, сметая локтем пресс-папье и какие-то грамоты. Холод дерева обжег разгоряченную кожу ягодиц.

— Разведи ноги, — приказал он.

Она подчинилась. Сквозь панорамное окно кабинета, находящееся как раз напротив стола, виднелась луна. Любой прохожий во дворе мог поднять голову и увидеть сцену, достойную финала дешевого немецкого фильма. Но шторы были плотно задернуты, и это делало происходящее еще более порочным — знание того, что преграда настолько иллюзорна.

Павел действовал мучительно медленно. Расстегнул ремень, ширинку, спустил брюки ровно настолько, чтобы освободить себя. Он не торопился входить. Вместо этого он провел головкой члена по влажным складкам, размазывая влагу, дразня, доводя ее до беззвучных рыданий.

— Скажи, что уходишь, — потребовал он, глядя, как закатываются ее глаза. — Скажи, что возвращаешься в Москву завтра утром. Что сдаешь документы обратно.

— Нет, — простонала она, выгибаясь навстречу пустоте. — Никогда.

Это слово стало спусковым крючком.

Вошел он одним резким, глубоким ударом, пригвоздив ее к столу так, что ножки мебели со скрежетом проехали по паркету сантиметр вперед. Павел начал двигаться с первобытной, жестокой силой, вбиваясь в нее под углом, от которого перед глазами вспыхивали белые пятна. Одной рукой он заломил ее запястья над головой, припечатав к столу, второй фиксировал бедра, не давая отстраниться ни на миллиметр.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.